

Шутки, слухи и (не)возможность перемен

Рец. на: Astapova, A. (2021). *Humor and Rumor in the Post-Soviet Authoritarian State*. London: Lexington Books

Екатерина Алексеевна Закревская ^[1]

✉ eazakrevskaya@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7872-5020

^[1] Центр славяно-иудаики Института Славяноведения Российской Академии Наук, Москва, Россия

Для цитирования:

Закревская, Е. А. (2024). Шутки, слухи и (не)возможность перемен. Рец. на: Astapova, A. (2021). *Humor and Rumor in the Post-Soviet Authoritarian State*. London: Lexington Books. *Фольклор и антропология города*, VI(4), 146–151. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-4-146-151.

Jokes, Rumors and (Im)possibility of Change

A review of: Astapova, A. (2021). *Humor and Rumor in the Post-Soviet Authoritarian State*. London: Lexington Books

Ekaterina A. Zakrevskaya ^[1]

✉ eazakrevskaya@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7872-5020

^[1] Center for Slavic and Jewish Studies, Institute for Slavic Studies, Moscow, Russia

To cite:

Zakrevskaya, E. A. (2024). Jokes, Rumors and (Im)possibility of Change. A review of: Astapova, A. (2021). *Humor and Rumor in the Post-Soviet Authoritarian State*. London: Lexington Books. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(4), 146–151. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-4-146-151.

Книга *Humor and Rumor in the Post-Soviet Authoritarian State*, написанная старшим научным сотрудником Тартусского университета Анастасией Астаповой, вышла в издательстве Lexington Books в 2021 году. Она посвящена политическому фольклору Беларуси: шуткам и слухам. Написанию монографии предшествовала долгая исследовательская работа: шутками Астапова занималась еще будучи студенткой, после чего защитила кандидатскую диссертацию на тему студенческого юмора¹; ее исследовательская работа в Тарту была посвящена белорусскому политическому фольклору и национализму. Полевые материалы для книги Астапова собирала с 2011 года, а консультировалась по поводу их концептуализации с сотрудниками университетов Огайо и Упсалы.

Книга состоит из нескольких предисловий, введения, шести глав и заключения. Предисловия и введение включают в себя благодарности, описание принципов перевода на английский и транслитерации текстов, изначально записанных на русском или белорусском языках, а также краткий экскурс в историю постсоветской Беларуси и обзор различных способов концептуализации политического фольклора. Заявлено, что помимо фольклористических концепций в этом исследовании важную роль играет исследовательская оптика ревизионизма²: объектом исследования выступает, в числе прочего, субъектность белорусов. Кроме того, во введении Астапова рассказывает о принципах сбора материала: при работе над книгой она использовала материалы включенного наблюдения и интервью, записанные как в Беларуси, так и за ее пределами, от белорусских эмигрантов.

Первая глава посвящена слухам о слежке спецслужб за гражданами. При этом Астапова отказывается от верификации нарративов о слежке, отмечая, что сделать это невозможно: КГБ Беларуси очевидно собирает какие-то данные о ее гражданах (тем более об оппозиционных активистах), однако какие именно данные, какими средствами и в каком объеме, узнать нельзя. Эта ситуация незнания порождает фактически паноптикум — белорусы уверены, что за ними следят, но не знают, каким образом и в каких ситуациях. Это объясняет популярность слухов о слежке: люди пытаются передать друг другу информацию о том, при каких обстоятельствах с ней можно столкнуться. Такая постановка проблемы кажется не только полезной для понимания прагматики этих нарративов (предупредить об опасности), но и

¹ Кандидатская диссертация Анастасии Астаповой была защищена в РАН в 2016 году под руководством Александра Панченко; текст автореферата доступен к прочтению на сайте Пушкинского Дома.

² Под ревизионизмом в исследованиях СССР западные исследователи чаще всего понимают отказ от восприятия жизни при тоталитарном режиме как ключевого фактора для понимания всех мыслей, поступков и мотиваций советских граждан; ревизионистские исследования признают, что каждый человек взаимодействует с режимом в разной степени и разными способами, а его восприятие реальности зависит от множества факторов. Вслед за ревизионистами Анастасия Астапова исследует субъектность белорусов, не сводя ее к травме, вызванной жизнью в недемократическом государстве.

удачной концептуально. Известно, что употребление фольклористами терминов «городская легенда», «конспирологический нарратив», «фейк», «фольклор» и т. д. в отношении сюжетов, не принадлежащих к отчетливо традиционному фольклору (к примеру, нарративов квазиисторического фольклора, политических слухов, фейков про ковид и вакцинацию и т. д.), нередко вызывает непонимание, так как многими людьми они воспринимаются всерьез. Однако дело не только в непонимании такой терминологии широкой публикой: присвоение исследователем права определять истину в некоторых случаях действительно проблематично.

Вторая глава представляет собой введение в исследования политического юмора и любопытный структурный анализ политических шуток, распространенных в Беларуси. Астапова выделила 67 сюжетов шуток; из них 14 встречаются только в Беларуси, а остальные имеют параллели — похожие шутки были записаны в Советском Союзе, а в наши дни бытуют во всех постсоветских странах и в развивающихся странах других регионов, например, в Египте и Мексике. Исключительно белорусские шутки бывают связаны с белорусскими инфоповодами (как утверждает Астапова, существует отдельный кластер шуток по следам запоминающихся цитат Александра Лукашенко), реалиями или стереотипами. Кроме того, бытуют «фольклорные» слухи и шутки — построенные на вере в сглаз и кровавый навет. К сожалению, сам перечень этих типов шуток в главе не представлен, а только упомянут, как и примеры шуток, связанных с оговорками президента. Небольшое количество цитат информантов можно отнести к недостаткам книги — ей несомненно пошло бы на пользу приложение с текстами³.

В третьей главе речь идет о «меташутках» — шутках о страхе шутить. Здесь Астапова возвращается к обоснованию темы книги — исследованию одновременно *и* шуток, *и* слухов. Политические шутки и слухи часто находятся в симбиозе. К примеру, оброненная во время телефонного разговора реплика про прослушивание телефонов КГБ отсылает к слухам о слежке, и говорящий не всегда может точно сказать, серьезен он или пошутил. Взаимоотношения, которые возникают между шутками о страхе и слухами о слежке и репрессиях (которые и вызывают страх шутить), являются предметом анализа в этой главе.

Другая проблема, которую затрагивает Астапова в третьей главе, касается прагматики шуток о политике. Почему в недемократических странах люди все равно шутят на эту тему, подвергая себя риску? Для ответа на этот вопрос она приводит ряд концепций отечественных и западных фольклористов (Джеймса Скотта, Алана Дандеса, Алексея Юрчака и т. д.), выделяя среди них как наиболее релевантную для бе-

³ Небольшой каталог анекдотов о Лукашенко можно найти в статье Астаповой в «Антропологическом форуме»: см. [Астапова 2014]. Статья, по всей видимости, является ранней версией рецензируемой работы — там высказываются похожие предположения, например, про то, что белорусские анекдоты сюжетно похожи на анекдоты, записанные в постсоветских странах и в Советском Союзе. Однако количество сюжетных типов в статье приведено другое — надо полагать, она написана на меньшем количестве материала, чем монография.

лорусского материала концепцию Марты Динелл. Динелл разделяет шутки на те, которые не несут в себе никакой другой функции, кроме, собственно, юмористической, и те, которые несут дополнительный смысл: форма анекдота или мема здесь является только оболочкой для какого-либо сообщения. Белорусские политические шутки являются шутками второго типа: они несут в себе то же сообщение, что и слухи, но обличены в форму шуток ради эстетического эффекта или психологического комфорта говорящего.

В четвертой главе Астапова рассказывает о политической карьере Александра Лукашенко и об окружающих его слухах. Большое количество вернакулярных нарративов формируется вокруг фигуры отца Лукашенко — официальная биография сообщает, что мать растила его одна, но не дает информации об отце, и фольклорная традиция «восполняет» эту недостачу. Кроме того, исследовательница показывает, как в вернакулярной традиции пропагандистские нарративы о сверхмужественности и брутальности Лукашенко превращаются в шутки и слухи о его плохом здоровье и старении.

Пятая глава посвящена феномену «Потемкинских деревень» в Беларуси. Особенно сильно этот феномен распространен в деревнях Копысь и Александрия, где Лукашенко родился и жил в детстве, и где сейчас расположена его загородная резиденция. Здесь Анастасия Астапова делает свежее предположение о том, как концептуализировать слухи об особенных приготовлениях к приезду президента. Чаше всего их воспринимают как рассказы о реально имевших место приготовлениях, однако причинно-следственная связь здесь может быть обратной: приготовления к приезду Лукашенко можно рассматривать как продиктованную остенсией⁴ реакцию на слухи о них.

Последняя, шестая глава повествует о шутках и слухах про выборы; события 2020 года при этом не рассматриваются, речь идет о выборах до 2015 года включительно. Слухи о фальсификациях на избирательных участках, по мнению Астаповой, тоже имеют остенсивный потенциал; кроме того, рассматриваются интернет-шутки о фальсификациях.

В заключении Астапова еще раз подчеркивает основные положения книги: тесную связь шуток и слухов и негативное влияние, которое они оказывают на перспективы перемен в Беларуси. Эта оценка повторяется из главы в главу: Астапова спорит с концепцией «оружия слабых» Джеймса Скотта и критикует политические шутки, отмечая, что они рутинизируют нарушение прав человека и репрессии и являются субститутотом протеста. К примеру, шутки о слежке приучают людей к самоцензуре, а шутки о плохом здоровье или воображаемых неудачах президента позволяют «сбросить» напряжение и злость — и в результате на настоящий протест ресурсов уже не остается. Такое эмо-

⁴ Этот термин введен фольклористами Линдой Дег и Эндрю Вазони, которые исследовали влияние фольклорных текстов на поведение людей. Остенсия — это ситуация, когда люди воспроизводят слух или городскую легенду своими действиями [Degh, Vazoni 1983].

циональное отношение к объекту исследования, как мне представляется, обусловлено биографией исследовательницы: детство и юность Анастасии Астаповой прошли в Беларуси. В какой-то степени авторские переживания делают монографию пессимистичной. Некоторые исследователи, чьи мнения Астапова реферирует, оценивают политический юмор как полезный для общества (он является способом передачи информации, позволяет сбросить напряжение, найти «своих» и т. д.). Однако мнения теоретиков, которые оценивают политический юмор положительно, исследовательница отмечает как бесполезные.

Эта почти активистская, политизированная позиция, возникающая из вовлеченности исследовательницы в ситуацию, вполне нивелируется теми возможностями, которые открывает ее положение инсайдера. Во-первых, это возможность избежать экзотизации и ориентализации, которые часто возникают, когда Советский Союз и постсоветские страны исследуют западные ученые, а во-вторых — доступ к полю и информантам, что особенно важно при исследовании недемократических режимов. Такие режимы из соображений безопасности зачастую исследуются ретроспективно или из-за границы, что, несомненно, портит качество работы⁵. Астапова же проживала в Беларуси на момент сбора части материала, а затем, уехав из нее, сохранила связь с полем и понимание того, как устроено местное общество. Ее книга дает возможность взглянуть на ситуацию в Беларуси, с одной стороны, глазами ее жителя, с другой — через призму современных концепций и новых исследований в сфере политического фольклора. Кроме того, книга будет полезна не только тем, кто интересуется Беларусью — похожие сюжеты (и, возможно, похожие конфигурации разных сюжетов и схожая прагматика) встречаются в политическом фольклоре других постсоветских стран⁶, а значит, предложенные Астаповой концепции актуальны и за пределами ее выборки.

Литература

- Астапова, А. С. (2014). «Вот народ, без батьки уже и картошку перебрать не могут»: белорусские политические и этнические анекдоты. *Антропологический форум*, 2014(21), 252–292.
- Белянин, С. В., Козлова, И. В. (2020). Свидание с полковником: Сотрудник Центра «Э» глазами участников уличных акций. *Фольклор и антропология города*, III(1–2), 106–120.
- Degh, L., Vazsonyi, A. (1983). Does the word “Dog” bite? Ostensive action: A means of legend. *Journal of Folklore Research*, 20(1), 5–34.

⁵ Сама Астапова во введении приводит в пример ситуацию, случившуюся в Таджикистане: там исследователя обвинили в государственной измене из-за интервью с оппозиционными активистами. В недемократических режимах правоохранные органы зачастую не видят разницы между исследованием протеста и участием в протесте, из-за чего такие исследования становятся опасными (с. 2).

⁶ Например, в посвященной нарративам об «эшниках» статье Сергей Белянин и Ирина Козлова анализируют нарративы, почти полностью совпадающие с приведенными Анастасией Астаповой в первой главе. См. [Белянин, Козлова 2020].

References

- Astapova, A. (2014). "These people can't even sort out potatoes without a bat'ka": Belarusian political and ethnic jokes. *Forum for anthropology and culture*, 2014(21), 252–292. (In Russian).
- Belyanin, S., Kozlova, I. (2020). A date with the colonel: A Centre "E" officer through the eyes of street protesters. *Urban Folklore & Anthropology*, III(1-2), 106–120. (In Russian).
- Degh, L., Vazsonyi, A. (1983). Does the word "Dog" bite? Ostensive action: A means of legend. *Journal of Folklore Research*, 20(1), 5–34.